

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО: К ПУБЛИКАЦИИ РЕЦЕНЗИИ А. П. АЛЯВДИНА НА КНИГУ А. БАУМШТАРКА

Публикуемая рецензия А. П. Алявдина на классическую работу А. Баумштарка представляет определенный интерес для истории востоковедения, поскольку в ней живо охарактеризовано состояние изученности сирийской литературы, достигнутое на Западе и в России к началу 1920-х годов. Но главное значение этого маленького текста — в другом.

В силу случившейся в России известной социально-политической и культурной катастрофы личная и научная судьба сириолога Анатолия Павловича Алявдина (1885—1965) сложилась так, что, несмотря на большую творческую активность, он при жизни не смог, насколько нам известно, опубликовать ни строчки.

Исследование библейского и христианского Востока явилось одним из тех направлений в востоковедении, развитие которых было уже в первые годы советской власти блокировано марксистскими идеологами. Сначала исследователям закрыли возможность публиковать свои труды, а затем их самих (как, например, В. Н. Бенешевича, Д. П. Гордеева, Л. А. Дурново, Н. М. Мещерского, Н. В. Пигулевскую и других) насильственно изъяли из культурно-общественной жизни¹.

А. П. Алявдин, родившийся в г. Новый Усад Пензенской губернии в семье священника, окончил гимназию в Пензе, а затем Историко-филологический (1910) и Восточный (1916) факультеты С.-Петербургского/Петроградского университета. Он учился у академика П. К. Коковцова, который еще в начале 1910-х гг. привлек его к преподаванию сирийского языка, а в 1919 передал ему — уже как доценту — весь комплекс преподавания сирийского языка и литературы на младших курсах². В

---

¹ См. подробнее: Я. В. Васильков, Ликвидация отраслей востоковедной науки в 20—30-х годах (1. Классическая индология; 2. Христианский Восток) // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского Университета. 8–9 апреля 1999 года (СПб, 1999) 187–189.

² Штатным расписанием на 1922/1923 гг. предусматривалось чтение А. П. Алявдиным следующих курсов: «Сирийский язык (начальный курс)», ««Всеобщая история» Григория Бар-Эбрея», «История сирийской литературы»,

это же время он преподавал по совместительству в Петроградском институте живых восточных языков, работал в Комиссии по изучению племенного состава России (где собирал сведения об ассирийцах-айсорах и других «нацменьшинствах»), почти каждую неделю вместе с ближайшим другом, тоже учеником П. К. Коковцова, М. Н. Соколовым³ ездил на поездах в Москву для чтения лекций в Лазаревском Армянском институте. В 1921 г. он избран действительным членом Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур Востока и Запада им. А. Н. Веселовского. В 1924 А. П. Алявдин поступил на службу в Азиатский музей АН, где его обязанностью являлось хранение и изучение сирийских рукописей.

Оставивший всю жизнь верным своим христианским убеждениям, А. П. Алявдин в 20-е годы сохранял связь с церковной средой. Он преподавал в Богословно-пастырском училище, Петроградском Богословском институте (1921—1923), на Высших Богословских курсах (1923—27). Участвовал в собраниях религиозно-философских объединений петербургской интеллигенции начала 20-х годов: молодежного кружка И. М. Андреевского, так называемого «Профессорского кружка», христианско-социалистического кружка А. А. Мейера «Воскресение». В январе 1928 г. А. П. Алявдин в качестве члена «двадцатки» (приходского совета) церкви Спаса-на-водах подписал письмо с призывом не поминать за богослужением митрополита Сергия, запятнавшего себя сотрудничеством с антихристианской властью. Письмо стало важным документом движения «непоминающих» («иосифлян») и вскоре навлекло на подписавших репрессии. С ареста 13 марта 1929 года начались мтарства А. П. Алявдина, растянувшиеся более чем на четверть века. 29 июля 1929 г. он осужден коллегией ОГПУ на 5 лет лагерей по статье 58, пункт 11 (участие в «антисоветской организации»). Освободившись досрочно из БелБалтЛага в мае 1933, вернулся в Ленинград, но на работу его нигде не брали. С большим трудом удалось устроиться старшим библиотекарем в Государственную академию истории материальной культуры. В этот краткий период относительно спокойного существования А. П. Алявдин возобновил активную научную деятельность. Он привел в порядок рукописи уже готовых к этому времени работ: «Очерк истории сирийской литературы», «Сирийские апокрифы и сказания», «Сирийский философ Бардесан и его трактат “О законах стран”»,

---

«Сравнительное изучение сирийских переводов Св. Писания». См.: Востоковедение в Петрограде. 1918—1922 (Пг., 1922) 38—39.

³ О нем см.: Я. В. Васильков, Только об одном востоковеде... (Гebraист Михаил Николаевич Соколов, 1890—1937) // *In memoriam*: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка (М.—СПб, 1995) 233—252.

«Биография Яб-алахи III — памятник истории сирийцев монгольской эпохи». По договору с марровским Институтом языка и мышления написана монография «Основные элементы языка и мышления у араме-ев». К сожалению, мы знаем все эти работы лишь по названиям, местонахождение рукописей неизвестно.

Передышка длилась недолго. После убийства С. М. Кирова (20 декабря 1934 г.) А. П. Алявдина увольняют из библиотеки ГАИМК, и теперь, чтобы прокормить семью, все силы приходится тратить на преподавание истории в «общеобразовательных школах взрослых культмассового отдела Ленсовета». Лишь благодаря содействию преемника Н. Я. Марра в ИЯМ — И. И. Мещанинова время от времени удается заключать договоры с этим институтом, что позволяет продолжать работу над начатым ранее капитальным трудом — «Грамматикой сирийского языка».

Во время войны А. П. Алявдин эвакуирован на Северный Кавказ, преподавал в школе в Кизлярском районе Грозненской области (ныне — Дагестан), осенью 1945 по доносу арестован, приговорен к 10 годам лагерей за «проповедь загробной жизни» (= «антисоветская агитация»), отбывал срок в лагере неподалеку от Грозного. Вернулся домой только в 1954, после смерти Сталина. Некоторое время работал в Архиве Академии наук. Удалось выхлопотать пенсию. Несмотря на преклонный возраст и болезни, А. П. Алявдин продолжал научные занятия. За несколько лет до смерти он все-таки завершил, перепечатал и отнес в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР главный труд своей жизни — «Грамматику сирийского языка с хрестоматией». Однако в последующие годы этот единственный машинописный экземпляр работы, в полном согласии с трагической логикой всей судьбы А. П. Алявдина, был утерян.

И лишь в самое последнее время появилась надежда на спасение, вопреки всему, хоть части научного наследия А. П. Алявдина. Родственники ученого отыскали авторский рукописный текст «Грамматики сирийского языка». Подготовить рукопись к печати взялась Е. Н. Мещерская — ведущий современный специалист в области сирийского языка и литературы. Хотя для того, чтобы издание книги стало возможным, предстоит еще найти источники спонсорской поддержки.

А сейчас мы впервые можем прочесть небольшой научный текст, вышедший из под пера А. П. Алявдина. Автограф рецензии сохранился в архивном фонде академика И. Ю. Крачковского⁴. Можно предполагать, что эта рецензия была написана (в 1922 г. или немногим позже) именно для очередного, не увидевшего света 7-го тома «Христианского

⁴ Петербургский филиал Архива РАН, ф. 1026, оп. 5, № 1.

Востока»; когда же часть материалов этого тома решено было напечатать в «Известиях Кавказского историко-археологического института в Тифлисе» (в 1927 г.), то рецензия А. П. Алявдина неминуемо должна была оказаться в числе материалов, отвергнутых как «утратившие актуальность», а главное — как не имеющие отношения к кавказоведению, в русло которого требовалось теперь перевести все, что осталось от исследований христианского Востока. Возвращение рецензии на страницы возрожденного журнала знаменует собой переломный момент в изучении наследия А. П. Алявдина. Наконец-то человек, известный прежде лишь по упоминаниям его имени в документах и по воспоминаниям современников, входит в историю нашего востоковедения текстом, запечатлевшим стиль мышления, особенности языка и как бы доносящим до нас живой голос своего автора⁵.

[Рецензия на:] *Geschichte der syrischen Literatur mit Ausschluss der christlich-palästinensischen Texte von Anton Baumstark. Bonn, 1922 (XVI, 378 S.)*

Настоящий труд глубокого знатока сирийских рукописей является завершением многолетней и кропотливой работы изучения рукописных хранилищ и ценнейшим вкладом в историю сирийской письменности. История сирийской литературы в подлинном значении этого слова пока еще — задача будущего. В настоящее время мы стоим перед гигантской массой необработанного рукописного материала, собранного и собираемого в библиотеках Запада и Востока, и это собирание еще далеко не законченное дело. Этим сырым материалом надо овладеть — издать, изучить, и как результат этого детального изучения может быть создана история сирийской литературы — важнейший отдел истории христианского Востока. Многие и важные памятники сирийской письменности уже изданы, но еще большее число их ожидает своей очереди, и только краткие и разрозненные указания музейных и библиотечных каталогов напоминают об этом богатстве. Работающий в этой научной области должен потратить много времени и труда на изучение этих каталогов, указателей материала для изучения. Правда, в разное время делались опыты построения истории сирийской литературы такими солидными знатоками, как *R. Duval* и *W. Wright*, но они далеко не разрешили поставленной задачи, и причина этого заключалась в том, что масса нео-

---

⁵ Подробнее о биографии А. П. Алявдина см. в статьях: Я. В. Васильков, Судьба русского сириолога: Анатолий Павлович Алявдин (1885—1965) // *Атра (Родина)* 5 (1993) 47–51; А. А. Бовкало, Последний год существования Петроградского Богословского института // *Минувшее: Исторический альманах* 24 (СПб., 1998) 487, 510, 511, 544.

бработанного рукописного материала была чересчур велика, а изданное и изученное являлось только небольшой частью, фрагментом сирийской письменности. Поэтому вместо истории получались основательные систематические справочники, а кто не хотел писать справочники, тот давал только общий обзор, не исчерпывающий даже обработанного материала. Возникла мысль, что время для написания истории сирийской литературы еще не настало, что еще должна продолжаться черная, кропотливая работа изучения, издания рукописей и монографических исследований. Редактор русского перевода «Краткого очерка истории сирийской литературы»⁶ проф. П. К. Коквцов руководился, несомненно, живым сознанием такого положения дела, снабдив этот перевод указаниями рукописного материала и многочисленными библиографическими примечаниями, сделавшими его необходимой настольной книгой для всех, занимающихся сирийской литературой.

В этом же направлении написана и новая работа *Baumstark*'а. В ней мы находим схему истории сирийской литературы, в рамки которой вложен чисто справочный материал. Достаточно бросить беглый взгляд на огромные примечания, испещренные *NN* рукописей и указаниями на детальные исследования, чтобы понять, что и здесь мы находимся еще в стадии разработки сырого материала. Но в смысле приближения к разрешению основной задачи книга *Baumstark*'а является неоценимым вкладом. Исчерпывающее обилие и точность его указаний рукописного материала, находящегося не только в западноевропейских, но и восточных хранилищах, доведенная почти до самых последних дней библиография — благодетельнейший подарок для работников этой научной дисциплины в смысле сохранения времени и энергии, поглощавшихся до сих пор путешествием по каталогам и справочникам. Особенной заслугой автора является систематически проведенное указание *NN* рукописей. Это — неблагодарная и скучная работа, но раз исполненная она сильно облегчает работу последующих исследователей, направляя их внимание в соответствующие места каталогов. За это имя *Baumstark*'а будет с благодарностью вспоминаться наряду с бессмертным именем *I. S. Assemani*, положившего начало научной разработке истории сирийской литературы. Надо только пожалеть, что обстоятельства бедственного времени обусловили крайнюю сжатость изложения и великое множество сокращений и условных знаков, сильно затрудняющих чтение и без того нелегко читающейся книги. Но этот недостаток с избытком покрывается ее достоинствами, особенно ценными и полезными для специалистов. Для них же она будет иметь значение необходимого пособия.

А. П. Алявдин

⁶ В. Райт, Краткий очерк истории сирийской литературы (СПб, 1902) [Я. В.]